

ГОРДЫЕ БИБЛИОТЕКАРИ

Борис Куприянов очень не любит смешивать две свои ипостаси — сооснователя «Фаланстера» и руководителя Московского библиотечного центра. Но когда он рассказывает одновременно про кризис интеллектуальной литературы, проблемы книжного рынка и роль Сергея Капкова в возрождении библиотек, сложно сказать, в каком качестве он выступает.

Когда-то очень давно, шесть лет назад, я думал, что наша проблема состоит только в отсутствии независимых книжных магазинов. С тех пор я понял, что кризис везде. В библиотеках, в литературе, в поэзии, в чтении, в книжных магазинах, в книжном распространении, в издательстве. Кризис, связанный с отсутствием мест продажи и распространения книг, отсутствием критики, отсутствием поддержки издательств, отсутствием редакторов, отсутствием вменяемого законодательства, связанного с авторским правом. Т.е. у нас кризис «книжного мира» вообще.

Нынешнее поколение выросло уже в таком режиме, когда интеллектуальной литературы в их жизни не существует. Потому что чтение — это мыслительная практика и практика не самая простая. Последние двадцать лет чтение воспринималось только как способ проведения досуга. Только у некоторых «уродов» ещё сохранилось серьёзное отношение к чтению. Не только как к потреблению информации, не только как к проведению досуга, но и как к интеллектуальной работе.

ВРЕМЯ КНИГ

Книга достигла своего расцвета в эпоху модернизма, она развивалась, начиная с энциклопедистов эпохи Французской революции и до того момента, когда проект модернизма был завершён в политике, экономике и культуре. Этот период был временем книги. Книга использовалась тысячами различных способов. Нам говорили, что она является источником знаний, но это не всё. Самое главное — это взаимоотношения, которые человек выстраивает с книгой, определённая работа, связанная с этими отношениями. Сегодня, когда ученые и интеллектуалы стране, грубо говоря, не нужны, а нужны в лучшем случае рекламные агенты, эта практика уходит.

Если мы считаем, что нас в будущем ждёт что-то, кроме чистого потребления, то книгу мы должны сберечь. Если у нас новое средневековье, то книги должны уйти в монастыри или ещё какие-то гетто. Если мы идём к ещё большему упрощению, к первобытно-общинному строю, тогда может, мы ограничимся устным эпосом?

Тут хорошо бы вспомнить такую историю: исследователи обнаружили, что жители Финляндии научились читать и писать по-фински. Они говорили на родном языке в быту, но на письме они пользовались английским, на нём же и читали. Тогда власть осознала, что наступает очень серьёзный кризис финской идентичности; литература, культура и язык как раз и стали теми якорями, цепляясь за которые финны восстановили свою культурную идентичность и сохранили себя как нацию. И эти события произошли не тысячу лет назад. Они 25—30-летней давности.

ПОЭТОМУ Я ВЗЯЛСЯ ЗА БИБЛИОТЕКИ

Я сотрудничаю не с властями — а с книгами, с людьми, с библиотеками. Что, вообще, значит «с властями»? Если человек работает в школе, разве он сотрудничает с властями? А если врачом в поликлинике? Я работаю с людьми, которым, как показывает практика, эти библиотеки нужны.

ТИХИЕ-ТИХИЕ БИБЛИОТЕКИ, КУДА ХОДИТ ОГРОМНОЕ КОЛИЧЕСТВО ЛЮДЕЙ

Чтобы эта система, наконец, заработала, мы сначала должны понять, почему, извините за выражение, предприятие культуры плохо работает, и туда не ходят люди. Или понять, ходят туда люди или не ходят: у нас есть тихие-тихие библиотеки, куда ходит огромное количество людей. Жители страшно любят эти места, просто департамент культуры об этом не знает. Я был в одном городе, и местный библиотекарь мне по секрету сказал: «Знаете, мы уже давно в тайне от начальства работаем до 11 часов». Таких случаев на самом деле много.

В Москве много библиотек «квартирного типа». Они замечательно работали в 1980-е годы как пункты выдачи — до того, как были установлены решётки и кодовые замки. А сейчас читателю нужно сначала попасть на территорию дома за забор, потом в подъезд, и в итоге из трёх таких библиотек в Строгино сейчас нормально работает только одна. Дело не в том, что они не нужны, просто требуется отдельное библиотечное здание. Поэтому вопрос о сокращении не стоит, стоит вопрос о ревизии расположения библиотек, в том числе потому, что где-то их огромное количество, а в иных районах единственная библиотека — это единственное же учреждение культуры, где есть платные и бесплатные кружки, подготовка детей к школе. В огромном районе Куркино, например, вообще ничего подобного нет.

БИБЛИОТЕКИ В КОНЦЛАГЕРЕ

Вообще, Сергея Капкова сейчас часто ругают. Первая публикация против него, по-моему, называлась «Велодорожки в концлагере». Ничего не могу сказать про велодорожки, но библиотеки даже в том, что по логике обвинителей является концлагерем, нужны точно. Вот поэтому Капков как раз и ангажировал нас — и меня, и большую компанию людей — чтобы добиться каких-то изменений в библиотечной сфере. То же самое происходит с домами культуры, с парками, потому что парки выполняют важнейшую социальную функцию — это место, где бедные встречаются с богатыми, где возникает какой-то межклассовый диалог. Если наши критики считают, что это слишком весело, то они могут пойти в Гончаровский парк на улице Руставели и посмотреть, как там проводят время люди самых разных социальных, национальных и религиозных групп, и все находятся в едином пространстве. Парки вынимают их из кастовых групп и превращают в горожан. Эта работа — одна из важнейших, и с нею мало кто справится. Поэтому я верю Сергею Александровичу и считаю, что он делает очень важное дело «для града и мира». Критика его несправедлива. Виноват ли Капков в том, что никто не выходит на Болотную площадь? Почему же в других городах, где нет никаких капковых, вообще никто никуда не выходит? В Перми работают совершенно чудовищные персонажи, которые уничтожают последние институты культуры, закрывают «Текстуру» — один из лучших кино- и театральных фестивалей. И что, в Перми выходят люди на демонстрации? А Капков делает город лучше, может у него не все получается, но он делает город более гуманистическим.

НЕ ДОПУСТИТЬ АНГЛИЙСКИХ ОШИБОК

Меня библиотечную систему, мы смотрели прежде всего на западные модели. Но оказалось, что в Иране, что в Норвегии происходят очень похожие процессы. Реформа библиотечной системы началась в Европе примерно в одни и те же годы, 25 лет назад в Скандинавии, Англия запоздала — там всего 12 лет назад. В США она произошла совсем недавно. Но все они накопили огромный опыт и понаделали своих ошибок. Например, в Англии часть библиотек переформатировали, уничтожили книжный фонд, заменив его на электронный, а люди перестали туда ходить — пришлось открывать их заново. Очень не хочется повторить этот опыт. И я точно знаю, чего я не хочу, чтобы произошло. Недавно я плыл на пароме из Стокгольма в Хельсинки и там шведский турист, рассказывая нашим, как он любит русский язык, процитировал: «Мы живём, под собою не чуя страны». «Кто это написал, — спрашивают наши, — Достоевский?» — «Нет, Мандельштам». «Не знаю

такого» — говорит наш соотечественник. Можно себя сколько угодно обманывать насчёт традиционных ценностей, но именно поэтому шведы делают «Вольво», а наши «Жигули».

РАТУЕМ ЗА СНЯТИЕ РЕШЁТОК С БИБЛИОТЕЧНЫХ ОКОН

Важная вещь, которой мы добились с библиотеками — это уменьшение закупочной цены: стоимость книги, купленной в 2013 году, стала меньше, чем в 2012, при том, что они подорожали на 20 %. Договорившись с издательствами о скидках, мы сэкономили достаточно большое количество денег, т. е. не сэкономили, а просто приобрели больше книг. В этом году ситуация ещё тяжелее, но мы купим максимальное количество изданий за эти деньги. Кроме того, изменился процесс выбора: мы стали ориентироваться на рекомендации критики и рейтинги продаж. Раньше библиотеки никогда не реагировали на продажи. А теперь есть примеры, что в тех местах, где раньше читали одну Донцову, большие проблемы с недостатком современной философии, например, в библиотеке Достоевского. Простой пример: сейчас в каждой московской библиотеке есть новый роман Пелевина. Мы не можем обеспечить молниеносное поступление всех книг, но стараемся, чтобы бестселлеры оказывались в магазинах и библиотеках одновременно.

На самом деле, таких больших изменений, которые уже произошли, не так много. Но они как пространственные, так и технические, и идеологические. Самое главное — это изменение роли библиотекаря. Он должен быть не работником сферы услуг, а проводником и лоцманом. Это то, что сейчас происходит, и происходить будет очень долго. Библиотекари могут быть гордыми. Очень унижительно работать в библиотеке, куда приходят по три человека в день, или даже двадцать человек в день, когда могут приходиться двести и триста. Когда ты нужен людям — совсем другое ощущение.

И люди достаточно для этого изменились. Один из библиотекарей мне сказал: «Как же так, в 1990-е годы нам били стёкла постоянно, а сейчас не бьют?» Поэтому мы ратуем за снятие решёток с библиотечных окон. Все начинают по-другому жить. Если изменений не будет, мы скатимся до рабского состояния — состояния идеального потребителя, который отлично разбирается в сортах йогурта, сыров или пива, но не знает кто написал «Братьев Карамазовых».

В МОСКВЕ СЛИШКОМ МНОГО ДЕНЕГ, ПОЭТОМУ БИБЛИОТЕКАМ ТУТ ГОРАЗДО ХУЖЕ ЖИВЁТСЯ

Это парадоксально, но это правда. Московская ситуация гораздо хуже региональной по целому ряду причин. В первую очередь, как ни странно, потому, что здесь очень много денег. В городе 440 публичных библиотек, но долгое время отбор был отрицательным. А ведь средняя зарплата библиотекаря составляет 34 тысячи рублей; для сравнения, в провинции сотрудники получают 5-7 тысяч. Работники московских книжных магазинов получают меньше, чем библиотекари. И в городские библиотеки уже давно не берут студентов и волонтеров, потому что они «мешают работать». При этом в Москве нет единого электронного каталога, а в провинции почти везде есть. Возьмём Рязань — город не очень богатый и совсем не передовой, но единый библиотечный каталог на всю область там есть. А вот в Москве на протяжении последних пятнадцати лет на создание похожей системы было потрачено в десятки раз больше, чем во всей Рязанской области. Сказывается старое лужковское представление, что культура — это массовое бессмысленное выкидывание денег.

БИБЛИОТЕКА — ЭТО НЕ КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР

Почему-то сейчас все хотят сделать библиотеки культурными центрами, а культурный центр — это клуб. Библиотеки — это не клубы, они занимаются просвещением, это их основная функция. Низкая посещаемость означает только одно: то, что предлагают библиотеки, неинтересно. В Москве есть очень хорошие библиотеки, центральные, в роскошных местах, где тратятся огромные государственные деньги, а посещают их 3—4

человека в день. И вот мы на свой страх и риск — это была жуткая авантюра, Сергей Александрович её одобрил, и за это ему отдельное спасибо, — перестроили библиотеку Достоевского. Это небольшое пространство, всего 500 квадратных метров, в этот четверг туда пришли 350 человек, в среду — 220, в пятницу — 260. Там очень много электронных книг, это доступно всем библиотекам, но сделано только там, — и количество посещений больше в десять раз.

Когда это стало известно, нас стали подозревать, что мы чуть ли не насильно сгоняли туда студентов, доплачивая им за посещение, потому что якобы все в интернете играют. Так вот — книговыдача из библиотеки там более 200 книг в день. Для любой европейской страны это очень убедительный показатель. К нам приезжали финны и тоже не поверили, потому что для 500-метровой библиотеки 200 человек в день — это предел пропускной способности; зашли — и убедились.

В библиотеку Ахматовой в Крылатском, в библиотеку Льва Толстого, Алексея Толстого и во множество других сейчас ходит много народа. В Москве есть библиотека Волошина, которая занимается не столько книговыдачей, сколько организацией важных для горожан событий — она невероятно популярна. Библиотеки на самом деле востребованы, многие из них любимы и посещаемы. Библиотеки — это возможность.